

Джонатан Свифт

**Эротические приключения
Гулливера в
Лилипутии**

Джонатан Свифт
Эротические приключения
Гулливера в Лилипутии
Серия «Эротические приключения Гулливера», книга 1

Текст предоставлен Институтом соитологии
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=142249
Джонатан Свифт Эротические приключения Гулливера: Институт соитологии ; Санкт-
Петербург; 2005
ISBN 5-9637-0019-1
Оригинал: JonathanSwift, "Gulliver's Travels"
Перевод:
Григорий Александрович Крылов

Аннотация

«Эротические приключения Гулливера» являются единственным в мире изданием неизвестной рукописи Свифта, созданной им в 1727 году на основе глав и частей, изъятых первым издателем «Путешествий Гулливера...» А. Мотом за их «откровенный и шокирующий характер». Читатель не только узнает, в чем состоял истинный спор между тупоконечниками и остроконечниками, но и прояснит для себя все темные места и несуразности поведения Гулливера в уже ставшем классическим тексте «Путешествий...», о котором сам Свифт с горечью замечает: «...опубликованный [...] текст имеет такое же сходство с оригиналом, какое добрый кусок говядины может иметь с таковым же, но побывавшим в желудке и естественным образом вышедшим наружу». Наконец Гулливер предстанет перед читателем не занудой и ханжой, а сильным и любознательным мужчиной, полным страсти, жизнелюбия и оптимизма, а его приключениям вернется изначальное содержание.

Содержание

Джонатан Свифт	4
От издательства	5
Путешествие в Лилипутию	11
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Джонатан Свифт Эротические приключения Гулливера в Лилипутии

От издательства

В сентябре 2004 года из Лондона на электронный адрес издательства Института социологии пришло письмо, автор которого сообщал, что у него есть для нас «интересное» предложение. Встретиться договорились на предстоявшей вскоре Международной книжной ярмарке во Франкфурте.

Встреча состоялась 7 октября 2004 года, когда к стенду нашего издательства подошел молодой человек и на русском, с тем акцентом, который появляется у русских, долго проживших или родившихся за границей, представился. Это и был наш лондонский знакомый. До того он несколько минут внимательно изучал выставленные на нашем стенде издания, как научно-популярные, так и художественные: от Камасутры и откровенных сонетов Пьетро Аретино с не менее откровенными иллюстрациями Джулио Романо и братьев Карраччи до сочинений маркиза де Сада и Леопольда фон Захер-Мазоха.

Изъяснялся он не без труда, однако наши попытки перейти на английский вежливо отверг, заявив: «Мои бабушка и дедушка были русскими. Я люблю русский язык». Не тратя лишних слов, молодой человек заявил нам, что у него есть неопубликованная рукопись Свифта и сделал паузу, наблюдая за нами. Честно сказать, никакого впечатления его слова на нас не произвели. Свифт в России давно издан, то есть, конечно же, прежде всего его «Путешествия Лемюэля Гулливера...», а издавать сейчас что-то еще... Даже его достаточно известная «Сказка бочки» сегодня вряд ли кого заинтересует, тем более – на российском рынке, где первые позиции, наряду с Гарри Поттером, давно и прочно завоевал детективный жанр; даже с реализацией русской классики теперь проблемы... Вот, примерно, какой ответ прозвучал из наших уст. Вежливо выслушав нас, молодой человек сказал:

– Вы меня не поняли. Я предлагаю вам неизданные «Путешествия Лемюэля Гулливера...»

Так состоялось наше знакомство с одним из потомков старинного купеческого рода, давшего России, по меньшей мере, двух выдающихся фигур своего времени Ерофея и Федора Каржавиных. Федор Васильевич Каржавин (1745–1812), полиглот, знавший почти два десятка языков, теоретик архитектуры и художник, плодовитый писатель и ученый-натуралист, путешественник, исколесивший Европу и Америку, и помимо прочего – тайный агент Екатерины II... О Ф. В. Каржавине есть обширная статья в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона. Родной дядя Федора Васильевича – Ерофей Каржавин, получивший образование в Сорбонне, – первый переводчик на русский язык свифтовских «Путешествий Лемюэля Гулливера...» Перевод этот, опубликованный в 1772–1773 гг., был сделан с весьма вольной французской версии, но выгодно отличался от нее, поскольку по стилю более соответствовал английскому изданию 1726 года.

Как мы узнали от нашего гостя, после большевистской революции 1917 года потомки рода Каржавиных рассеялись по всему свету, за границей оказалась и часть архива Ф. В. Каржавина, в котором и были обнаружены неопубликованные главы знаменитых «Путешествий...». По утверждению нынешнего владельца рукописи, Федор Каржавин купил ее в свое время у семьи Форда, друга, душеприказчика и хранителя архива знаменитого английского сатирика.

На наш вопрос, почему она до сих пор не опубликована, молодой человек, многозначительно улыбнувшись, предложил нам ознакомиться с содержанием. Так в наших руках оказалась ксерокопия части рукописи. После прочтения нам стала понятна причина, по которой потомок Каржавиных выбрал издательство, специализирующееся именно на эротической литературе.

Рукопись поразила нас смелостью и раблезианской свободой, которую во времена Свифта могли позволить себе немногие, ну разве что такие «одиозные» фигуры, как Джон Клеланд, написавший знаменитый эротический роман «Фанни Хилл, или Мемуары женщины для утех» и затем представший за свое «безнравственное» сочинение перед судом... Кстати, запрет на публикацию романа был снят английским же судом лишь двести лет спустя, в середине XX века. Видимо, такая же судьба ожидала бы и «Путешествия Лемюэля Гулливера...», если бы издатели не привели рукопись в надлежащий, с их точки зрения, вид. Иначе могло последовать и наказание – за издание богохульственных и антиправительственных книг в Англии в ту пору отрезали уши. Впрочем, даже во второй половине XIX века, в викторианские времена, «Путешествия Лемюэля Гулливера...» считали сочинением вредным, грязным и порочным и безжалостно корнали, превращая в невинную сказочку... Да, трудно себе представить, какова была бы реакция церкви, прочти ее духовные отцы знаменитый пассаж из Лилипутии об «остроконечниках и тупоконечниках» в его подлинном, а не искаженном виде. Получается, что священник, настоятель собора святого Патрика в Дублине, был вольнодумцем и в вопросах отношений полов.

В данном контексте нельзя обойти вниманием весьма показательное произведение еще одного великого писателя Англии, современника Свифта – Даниэля Дефо, увидевшее свет в 1722 году под названием «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс». Написанная в жанре автобиографии вымышленной героини (как, впрочем, и «Робинзон Крузо»), книга эта вполне могла бы считаться эротической, если бы ее эротика не была вынесена за скобки. Таковой ее намеренно делает сам автор, работающий в рамках того, что позволено временем: «...были приложены все старания к тому, чтобы не допустить в эту повесть в настоящем ее виде никаких непристойностей, никакого бесстыдства, ни одного грубого выражения героини. С этой целью кое-какие подробности порочной части ее жизни, которые нельзя передать в пристойной форме, опущены вовсе, многое же сильно сокращено.» (см.: Радости и горести знаменитой Молль Флендерс. М.: Художественная литература, 1991).

Подобный литературный ход весьма примечателен. Казалось бы, чего проще – пиши о добродетели и не оправдывайся ни перед кем. Но в том-то и дело, что читательский спрос на эротическое, чувственное и запретное был в то время как никогда велик, и расчетливый Дефо это прекрасно понимал. Рынок, возникновение национальной буржуазии, монетизация общественных отношений диктовали новые условия, новые ценности, превращая среди прочего и эрос в выгодный товар. Однако и без того на протяжении человеческой цивилизации завуалированная или откровенная эротика в искусстве и литературе почти всегда была в спросе, повышая градус интимного и социального мироощущения, градус переживания жизни. XVIII век полностью унаследовал от века XVII модель так называемой «куртуазности», выраженную в девизе абсолютизма «Будем наслаждаться!», разве что лишь переведя ее на коммерческую основу. И хотя, если говорить об Англии, тамошний королевский двор вынужден был делиться властью с парламентом, это, по сути, не изменило бытовавших нравов, и общая их картина была здесь такой же двусмысленной, как и в тех странах Европы, где абсолютные монархии еще продолжали карнавал безудержной плоти. Несмотря на христианское порицание, человеческий «низ» в те времена одерживал победу за победой над «верхом», и жизнь во всех слоях европейского общества шла под знаком чувственности и гедонизма. Пожалуй, наиболее ярко этот феномен отражен в изобразительном искусстве Европы XVII–XVIII вв., но и литература не осталась в стороне. Другое дело, что ей в силу специфики печатного слова приходилось в большей мере считаться с охранительной системой мягких условностей и жестких запретов, постулирующих внешнюю, во многом циничную, сторону отношений государства и его граждан. Так, литературные «исповеди» блудниц и грешниц должны были по библейскому образцу Марии Магдалины непременно заканчиваться благодарью искреннего покаяния. Или же поддавшийся искушению «низом» герой по неписанным законам рапортовал читателю о преодолении искуса и торжестве «высокой нравственности». Так в облатке условного ханжества преподносилась истина.

В опубликованных «Путешествиях Лемюэля Гулливера...» можно прочесть: «Часто они [фрейлины – И. К.] раздевали меня донага и голого клали себе на грудь, что мне было очень противно...». «Они раздевались донага, меняли сорочки в моем присутствии, когда я находился на туалетном столе перед их обнаженными телами; но я уверяю, что это зрелище совсем не соблазняло меня и не вызывало во мне никаких других чувств, кроме отвращения и гадливости...» «Самая красивая из этих фрейлин, веселая шаловливая девушка, шестнадцати лет, иногда сажала меня верхом на один из своих сосков и заставляла совершать по своему телу другие экскурсии, но читатель разрешит мне не входить в дальнейшие подробности. Это до такой степени было неприятно мне, что я попросил Глюмдальклич придумать какое-нибудь извинение, чтобы не видеться больше с этой девицей.» (Курсив наш – И. К.; Джонатан Свифт. Путешествия Гулливера. М., 1980). Прямо скажем, в подобную реакцию Гулливера верится с трудом, особенно после того, как сам он называет великанов «красивой расой». И тем более странно, когда ее выказывает здоровый, любознательный и стремящийся, как все путешественники, к новым впечатлениям представитель мужского пола. Логично было бы предположить, что через приемы мнимого осуждения, через напускное ханжество своего героя Свифт пытался сохранить в тексте хотя бы фрагменты своего подлинного сатирического полотна, передающего неприемлемые для официального мнения черты действительности. Однако после ознакомления с ранее неизвестной рукописью становится совершенно очевидным, что в опубликованной версии мы имеем дело не с авторскими уловками, а скорее с незаделанными швами, оставшимися после безжалостных редакторских ножниц.

Нелишне напомнить, что как представитель века Просвещения, высоко чтившего Природу и считавшего Человека естественной частью ее, Свифт полагал человеческий «низ» равноправным по отношению к другим частям тела. У него есть даже сочинение под назва-

нием «Human Ordure» («Человеческие экскременты»), в котором автор со знанием дела описывает содержимое выгребных ям, производимое разными сословиями дублинцев.

Тем значимей представляется нам оказавшееся в нашем издательстве произведение, видимо, доработанное Свифтом после неудавшихся попыток опубликовать «Путешествия Лемюэля Гулливера...» в полном объеме. Кстати, в свете новых материалов абсолютно несостоятельной выглядит версия английского литературоведа Генри Морли, касающаяся этимологии слова «лилипут», якобы производного от английского слова «маленький» (little) и слова «испорченный, грязный» (put, putta, pute), взятого из языков романской группы (оттуда же происходит и новейшее русское сленговое заимствование «путана» – то есть шлюха). Нет, Лилипутия Свифта – отнюдь не страна испорченных порочных человечков – картина двенадцатикратно, как в перевернутой подозрительной трубе, уменьшенного мира, много сложнее и противоречивей, как вообще любая картина жизни. В этой ее многозначности и проявляется мудрость автора, исповедующего принципы естественности всего живого. Джонатан Свифт отнюдь не моралист и весьма далек от навязываемых ему односторонних оценок. Не выдерживает критики и предложенная этимология слова Бробдингнейг, якобы представляющего собой анаграмму из слов grand, big, noble – большой, крупный, благородный – (А. Аникст). Похоже, что свифтологи выступают здесь в тогах тех ученых мужей, над которыми иронизирует в своих «Путешествиях...» сам Свифт. В порядке филологической игры предлагаем читателям самим поискать свои собственные смысловые ключи к названиям других стран, где побывал наш неутомимый и любознательный путешественник Гулливер – Бальнибарби, Лаггнэгг, Глаббдробдриб. Не проще ли предположить, что тут для Свифта был важен эффект фонетической экзотики, вызывающий смех. А код смеха едва ли можно расшифровывать...

Хорошо известно, что Свифт был крайне недоволен тем, как издатель Бенджамин Мотт выпустил его «Путешествия Лемюэля Гулливера...». Мотту был представлен список опечаток и пропущенных мест, но и в последующих моттовских изданиях искаженные или пропущенные места так и не были восстановлены. В четырехтомном издании «Путешествий Лемюэля Гулливера...», выпущенном в 1735 году в издательстве Фолкнера, ряд ошибок был исправлен, но пропуски (и весьма существенные) так и остались невосполненными.

Изъятые Моттом и впоследствии переработанные Свифтом главы хранились в архиве Ч. Форда, который, по утверждениям биографов знаменитого сатирика, и поддерживал отношения с издателями. Кстати, «Лапутия», содержащая наиболее острую сатиру на современную Свифту Англию, была опубликована Фордом же уже после смерти ее автора и тоже вышла в свет со значительными изъятиями и переработкой издателя.

Свифт умер в 1745 году. Неопубликованные части рукописи, видимо, в конце семидесятых годов XVIII века, были проданы Федору Каржавину. Резонно предположить, что Каржавин после успешной публикации в России перевода «Путешествий Лемюэля Гулливера...», сделанного его дядей, намеревался осуществить новое, полное издание. Намерениям его, по понятным причинам, не суждено было осуществиться.

Роман «Путешествия Лемюэля Гулливера...» по выходе в 1726 году быстро завоевал популярность и был сразу же переведен на несколько европейских языков, в том числе на французский и немецкий. Известно, что немецкая версия «Путешествий Лемюэля Гулливера...» имела у Ломоносова. Издательский успех книги породил не одно подражание. Так, спустя лишь год после первого издания в Англии вышла подделка «A Voyage to Sacklogallinia» (1727), переведенная в России в 1770 году, то есть еще до самих «Путешествий Лемюэля Гулливера...». Книга называлась «Путешествия Самуила Брунта в Кеклогаллинию, или в Землю петухов», автором ее был указан Д. Свифт...

Относительно корректное издание «Путешествий Лемюэля Гулливера...» увидело свет лишь в 1922 году, в Лондоне, но редактору, опиравшемуся на сохранившийся благодаря Ч. Форду экземпляр первого издания «Путешествий Лемюэля Гулливера...» с исправлени-

ями и пометками, внесенными рукой Свифта (в настоящее время этот раритет находится в Англии, в Музее Виктории и Альберта), по-видимому, не было известно о том, что рукопись опубликована далеко не в полном объеме. Можно допустить, что сам факт существования и продажи части рукописи был по тем или иным причинам Фордами скрыт.

Главным же мотивом обращения наследника к нам оказалось завещание Федора Каржавина, желавшего, чтобы утаенное от современников великого памфлетиста Англии сочинение впервые увидело свет в России, когда она освободится от цензуры. Кстати, А. С. Пушкин предрекал, что первым, кого опубликуют в бесцензурной России, будет Барков. Так оно и оказалось. Свобода слова проверяется на деле отношением к вербальному выражению эроса.

Нас, естественно, в первую очередь волновал вопрос подлинности предложенной нам рукописи. На ней нет имени Свифта, хотя, как хорошо известно, во избежание неприятностей он собственным именем и не подписывал свои «Путешествия...» (отсюда же появление в рукописи вымышленного публикатора записок Гулливера – некоего Ричарда Симпсона, его «старинного и близкого друга»). Выяснилось, что из-за неправильного хранения большая часть белого автографа утрачена, и текст дошел до нас лишь благодаря тому, что еще в первой половине XIX века был тщательно переписан кем-то из наследников Федора Каржавина. От глав, написанных рукой самого Свифта, осталось лишь сорок девять разрозненных страниц. Контекстуально они коррелируют с остальными страницами копии.

Проведенная экспертиза подтвердила, что перед нами подлинник, после чего было принято решение о его приобретении. Ныне эта рукопись является собственностью Института соитологии и находится в специализированном хранилище в Швейцарии.

Готовя русский перевод неизвестных страниц «Путешествий Лемюэля Гулливера...» к печати, мы решили не объединять широко известный текст «Путешествий...» с новым, поскольку рукопись, переданная нам, явно готовилась Свифтом для издания в качестве самостоятельного приложения-комментария к уже вышедшим в свет «Путешествиям Лемюэля Гулливера...».

Работая над переводом новых глав «Путешествий Лемюэля Гулливера...», мы, естественно, обращались к имеющимся переводам на русский язык традиционного корпуса, из которых выгодно отличается перевод под редакцией А. А. Франковского (в его основу лег перевод, осуществленный еще в конце XIX века П. П. Кончаловским и В. И. Яковенко). Для сравнения: в выдержавшей немало изданий версии Б. М. Энгельгардта, сделанной для юных читателей, естественно, прослеживается тенденция смыслового упрощения оригинала. Как следствие при этом зачастую страдает и своеобразный юмор автора. Вот, например, эпизод из VI главы «Путешествия в Бробдинггег», связанный с изготовлением Гулливером кресел из волос королевы. Перевод: «Я сказал, что скорее предпочту умереть, чем присесть на драгоценные волосы, украшавшие когда-то голову ее величества». Однако в оригинале читаем: «...I would rather die a thousand deaths than place a dishonourable part of my body on those precious hairs...», то есть – «Я бы предпочел тысячу раз принять смерть, чем ПОМЕСТИТЬ НЕДОСТОЙНУЮ ЧАСТЬ СВОЕГО ТЕЛА на эти драгоценные волосы...». Разница существенная. Оригинал «Путешествий...» интонационно и лексически острее. Кстати, один из классиков английской литературы XX века Сомерсет Моэм считал, что «проза Свифта – это тот идеал, подражая которому современный английский писатель может найти свой собственный стиль».

Канонические «Путешествия Лемюэля Гулливера...» хорошо изучены и досконально прокомментированы, в том числе и в русском литературоведении. Названы и предполагаемые источники, которые могли дать толчок сатирической фантазии Свифта. Среди них это «Комическая история государств...» французского писателя XVII века Сирано де Бержерака

и, конечно, «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле (XVI в.). Однако впервые публикуемые нами ранее неизвестные главы «Путешествий Лемюэля Гулливера...» рождают новые литературные реминисценции и аллюзии, заставляя нас вспомнить не только, скажем, «Декамерона» Боккаччо, но и некоторые образцы античной литературы, зафиксировавшей свободу нравов своего времени в лексике, которая для большинства наших современников может показаться непристойной. Многим, конечно, известны имена Апулея, Аристофана, Катулла, Марциала, Петрония с его «Сатириконом» или же Лукиана, но не все знают, что в переводе на русский язык эти авторы порой до неузнаваемости выхолощены, и что только сейчас усилиями нового поколения переводчиков их произведениям возвращаются подлинные краски. Для нас представляется безусловным, что именно благодаря античным аналогам Свифту удалось создать столь впечатляющую панораму человеческих отношений.

Вместе с тем следует признать, что «Путешествия Лемюэля Гулливера...» почти утратили свою политическую актуальность, длинные рассуждения по поводу того или иного государственного устройства утомительны, и большинство критических и сатирических стрел ныне направлены в никуда. Но так же верно и то, что многие страницы бессмертного романа Свифта воспринимаются на удивление свежо и даже злободневно. Особенно это становится явным теперь в связи с нашей находкой...

Итак, перед нами неизвестные главы из «Путешествий Лемюэля Гулливера...», значительно дополняющие традиционную версию, давно и не совсем справедливо причисленную к детской литературе. Данную публикацию «Путешествий...» мы намеренно назвали «Эротические приключения Гулливера», дабы сразу предупредить читателя, что эта книга отнюдь не для детей и юношества.

Так или иначе, нынешним читателям предстоит открыть для себя совершенно иного Свифта. В письме от 29 сентября 1725 года Свифт писал своему другу поэту А. Попу по поводу «Путешествий Лемюэля Гулливера...»: «Они появятся в печати, когда человечество заслужит их...».

280 лет назад написаны эти слова, и 260 лет минуло с того дня, как ушел великий писатель. Путешествие подлинного Гулливера к читателям оказалось долгим. Надеемся, что человечество заслужило знакомство с ним.

*Игорь Куберский,
заведующий кафедрой лингвистической соитологии
Института соитологии
Санкт-Петербург,
Июль 2005 г.*

Путешествие в Лилипутию

Я, Лемюэль Гулливер, родившийся третьим из пяти детей в семье скромного землевладельца из Ноттингемпшира, вволю постранствовал по свету сначала в качестве судового врача, а потом и капитана. Я был удачлив, и судьба благоволила ко мне, а потому я сумел возвратиться домой, повидав немало чудес, о которых решил рассказать соотечественникам, дабы и они, как ни слаб мой писательский дар, смогли бы узнать о том, что творится в тех отдаленных уголках земли, где мне посчастливилось побывать.

Мои записки были отданы издателю, имя которого да не осквернит сии страницы, ибо опубликованный им текст имеет такое же сходство с оригиналом, какое добрый кусок говядины может иметь с таковым же, но побывавшим в желудке и естественным образом вышедшим наружу. И если меня пощадили стихии природы, то я стал жертвой английских издателей, которые сделали Лемюэля Гулливера, отважного путешественника и натуралиста, простофилей и недотепой, выставили его не творцом собственной судьбы, а таким плывущим, выражаясь фигурально, по течению неудачником и пассивным наблюдателем чужих жизней.

Кто-то может сказать, что благодаря им, моим издателям, я стал знаменит на весь мир. Но разве о такой славе я мечтал, отправляясь в дальние странствия?! Нынешняя моя знаменитость сродни геростратовой. Известность Иова многострадального, который оказывается то пленником у лилипутов, а то вдруг игрушкой у бробдинггеской девочки... Но хочу заверить любезного моего читателя, что всюду и везде, даже в самых невероятных обстоятельствах, я жил, сообразуясь с теми потребностями, которые заложил в нас Творец. Я всегда был Лемюэлем Гулливером, коего имею честь представить вам в этих записках, и куда бы ни бросала меня судьба – то ли в страну лошадей, то ли в землю лапутян, а также в земли Бальнибарби, Лаггнегг, Глаббдробдриб – оставался верен себе. Я надеюсь, что читателю не

составит труда разобраться, где правда, где ложь, какой из двух Гулливеров настоящий, а какой создан потугами завравшихся и в то же время боязливых издателей.

Я не принадлежу ни к киникам, ни к сибаритам, ни к гедонистам и ни к каким другим языческим сектам. Но я как врач знаю, что мы наделены чувственностью и желаниями, без проявления коих перестаем быть теми, кем создал нас Творец. А я, Лемюэль Гулливер, всегда оставался самим собой. И уж тем паче, когда судьба на долгие месяцы, а то и годы забрасывала меня в дотоле неведомые страны.

Долго после появления первого издания моих записок закидывал я письмами книжные дома, желая опубликовать мой труд в его оригинальном виде или хотя бы издать дополнение к нему. Но тщетно! Ответом мне неизменно были лицемерные объяснения, ссылки на общественную нравственность, на якобы неприятие обществом того «рискованного стиля», в котором написано мое скромное творение, и прочая, прочая, прочая.

Что ж, пусть они остаются при своей ханжеской морали, а я убежден, что когда-нибудь (хотя бы и после моей смерти) правда восторжествует: эта рукопись увидит свет, и я предстану перед читающей публикой таким, каким был. Не конквистадором, огнем и мечом покоряющим слабых, не безжалостным морским пиратом, не размазней в кармане девочки-великанши, а тем самым Лемюэлем Гулливером, который всегда продолжал жить так, как того требовали от него законы божеские и законы природы, которые суть едины. Впрочем, судить вам, моим читателям.

Итак, перед вами рукопись, которая дополняет то, что вам уже известно про меня и приоткрывает завесу над тем, что первые мои издатели сочли оскорбительным для нравов английской публики.

* * *

...Шел второй месяц моего пребывания в Лилипутии. Срок, согласитесь, немалый и вполне достаточный, чтобы я привык к моему новому положению, оправился от потрясений, вызванных кораблекрушением и пережитыми мною опасностями. Смешную цепь, которая все еще висела у меня на ноге, при моем на то желании я мог бы разорвать в считанные

мгновения, но с юных лет я взял себе за правило: к силе прибегай лишь в крайних случаях, когда имеется угроза твоей жизни. Длины цепи хватало, чтобы дойти до выгребной ямы, которую с моей помощью вырыли для меня отряженные в первый же день пятьсот землекопов, непрерывно трудившихся три дня и три ночи. Будь у меня подходящий инструмент, сам бы я управился с этой работой куда как скорее, но в отсутствие такового пришлось ограничиться лишь посильной в моем положении помощью этим не знающим устали труженикам – я доставал из ямы нагруженные землей бадьи, опорожнял их за ближайшим пригорком и возвращал в яму, что для меня не составляло труда (бадья эти были размером с хорошую пивную кружку), а моим землекопам сэкономило дня три работы.

Поселили меня в башне, которую начали возводить по приказанию одного из первых лилипутских императоров. Амбиции его были таковы, что башня, по ее завершению, должна была проткнуть своим шпилем самое небо, что непременно и случилось бы, достигни сие сооружение той высоты, на которой настаивал император. Однако этого не произошло по независящим ни от императора, ни от его подданных обстоятельствам: строительство пришлось прекратить из-за нехватки строительных материалов, невозможности поднимать их на ту высоту, которой к тому времени достигла башня, и из-за бесперспективности затеянного предприятия, которая стала очевидна с приходом к власти следующего императора. Башня так и осталась стоять символом невоплощенных амбиций и грандиозных притязаний.

Наконец, после аудиенции, которой удостоил меня Его Императорское Величество и о которой читателю известно из моих изданных прежде записок (в этой малой части мои издатели не отступили от истины), цепь с моей ноги сняли, и мне была предоставлена свобода, хотя и не без известных оговорок и ограничений. Однако я понимал, что оговорки и ограничения сии обусловлены необходимостью, и не возражал против их проведения в жизнь, которая, впрочем, и после этого не стала особенно разнообразной – лилипутскую столицу я обошел за полчаса, а через неделю знал ее не хуже родного поместья, где провел первые и самые счастливые годы своей жизни. Обладай я менее оптимистическим нравом, может быть, я и сник бы, стал бы хандрить, но неизменный мой жизнерадостный взгляд на мир помог мне и в той, казалось бы, безвыходной ситуации.

Этот взгляд на мир мне помогло расширить одно чудесное изобретение, которое я не напрасно утаил от обыскивавших меня в первые дни императорских чиновников. Я веду речь о подзорной трубе, которая вскоре оказалась мне очень кстати. Вечерами я наводил ее на окна городских домов – всего-то в каких-нибудь двадцати ярдах от меня – и обнаруживал там много замечательного. Ни мои оглядчивые (дабы не наступить на какого-нибудь зазевавшегося лилипута) путешествия по столице, ни уроки моего мудрого наставника Тоссека (который по повелению императора читал мне лекции по истории и нравам Лилипутии) не обогатили мои знания в той мере, в какой я пополнил их, глядя в окуляр, многократно приближавший меня к подданным Его Императорского Величества.

Господь простит мне мою бесцеремонность. То, чего я никогда не позволил бы себе в своей отчизне, где дом англичанина – его крепость, здесь казалось мне допустимым и даже похвальным, ведь двигало мною не простое любопытство, а любознательность исследователя и путешественника, без которых не было бы и этих записок.

Должен сказать, что интересовали меня в первую очередь не архитектурные достоинства и не красоты природы, а сами жители. Я долго изучал быт лилипутов, их семейные привычки, атмосферу в их домах, и с помощью моего наставника мне, в конце концов, удалось составить достоверное представление об их образе жизни, чем и намереваюсь поделиться с моим читателем. Не могу обойти молчанием некоторые особенности семейной жизни в Лилипутии, рассказ о которых может быть поучителен и для наших соотечественников.

Семья в Лилипутии является основой общества. Моя подзорная труба позволяла мне получать зрительное подтверждение того, что я слышал от моих собеседников: лилипуты,

как мужчины, так и женщины, превыше всего ставят семейное благополучие. Нет для лилипута ничего важнее, чем домашний очаг с его тихими радостями. Лилипутки с удовольствием (не меньшим, чем любезные моему сердцу обительницы одного веселого заведения, – о которых речь чуть ниже, – делающие это не только по обязанности и за деньги, но еще и из любви к искусству) исполняют супружеские обязанности, а лилипуты не считают за труд требовать этого от своих дам по два-три раза на день.

Наблюдая за тем, что происходит в лилипутских спальнях, я не раз вспоминал английское выражение *тютелька в тютельку*¹, удивляясь чуть ли не ювелирным движениям супруга и не менее филигранным ответам супруги. Каждый вечер за закрытыми дверями тысяч и тысяч домов шла тончайшая работа, требовавшая от исполнителей такой высокой точности, что, ошибись они хоть на малую долю дюйма, это могло иметь самые трагичные последствия для деликатнейшего инструмента, каковой был в распоряжении лилипута мужского пола. Казалось, он тонок настолько, что одно неверное усилие, одно неправильное напряжение, и он придет в негодность. Но, видимо, природа позаботилась о том, чтобы сие орудие труда, на вид непрочное и хрупкое, на деле обладало крепостью достаточной, чтобы оставаться целым и невредимым и после столь, казалось, небезопасного, хотя и приятственного занятия.

Однако спустя время, когда я значительно расширил свой жизненный опыт, побывав и в других чудесных странах, пришло мне в голову, что может быть и наши – мои и моих соотечественников – причинные места кому-то могут показаться тонкими и ломкими, тогда как мы пользуемся ими, не задумываясь об опасностях, которыми якобы чревато наше погружение в тот лакомый сосуд, который особенно нас манит и не дает нам покоя в дни наших странствий.

Впрочем, не буду отвлекаться – продолжу свой рассказ о лилипутских семейных традициях. В Лилипутии поощряется многодетность. И заботы Его Императорского Величества и все государственное устройство нацелено на увеличение народонаселения. Лилипутские матери, родившие более пяти детей, записываются в особую книгу почета, хранящуюся при дворе Е. И. В., а те, кто пополнил народ лилипутский более чем на семь персон, получают право ежелунно целовать руку Е. И. В. – милость неслыханная, поскольку даже не каждый нардак, кои пользуются самыми обширными привилегиями, удостоивается такой чести.

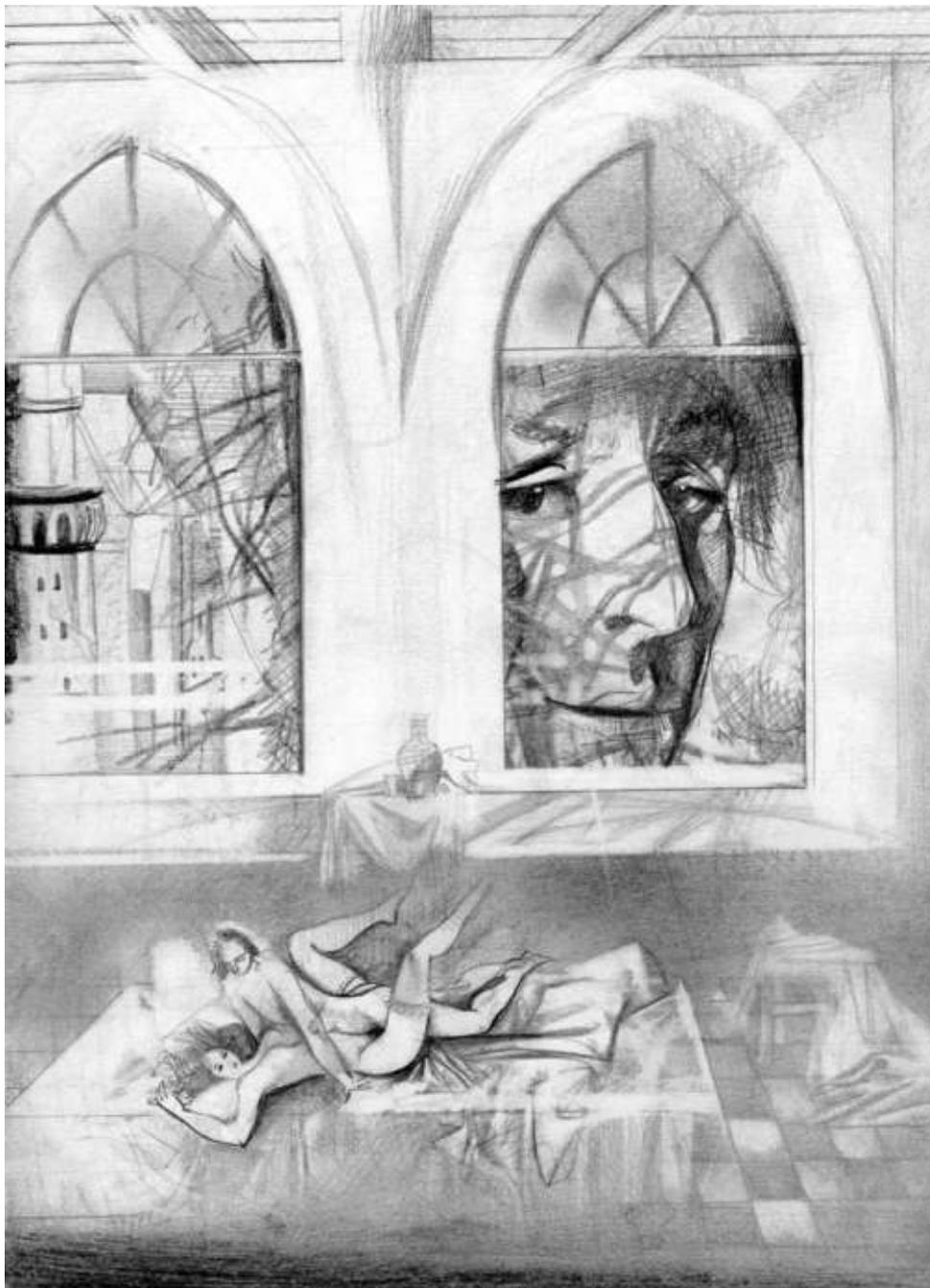
Естественно поэтому, что все лилипутки стремятся нарожать детей побольше. Законы этому благоприятствуют. Так, поощряется то, что по английскому праву могло бы быть квалифицировано как супружеская измена, поскольку считается, что это будет способствовать приросту населения – ведь лилипут издавна на чужой жене был и ловчее, и расторопнее. Однако если отличившийся на этом поприще лилипут может даже быть представлен к первому дворянскому званию, то лилипутка, нарушившая супружескую верность, может быть подвергнута остракизму и суду общественности.

Однако вернемся к моим наблюдениям. Как бы ни был интересен быт простых лилипутов, больше всего привлекли меня окна стоявшего особняком двухэтажного дома. Он жил какой-то своей, не похожей на другие дома жизнью. Постоянными его обитателями были двадцать-двадцать пять лилипуток, а лилипуты мужского пола были лишь проходящими посетителями. Я сразу признал в этом заведении аналог наших веселых домов, каких немало в портовых городах, куда сходят на берег изголодавшиеся за долгие переходы моряки.

Я с интересом изучал жизнь этого дома. Лилипуты-посетители приходили в общую залу внизу и, посидев там немного, поднимались наверх – в отдельные комнаты с одной из лилипуток (прехорошеньких, насколько я мог судить). Мне даже было видно, *что* происходило в некоторых из этих комнаток... Все знакомо. В этом смысле мы мало чем отличались от лилипутов, которые, видимо, принадлежат к одной из разновидностей человеческой расы

¹ В оригинале to a T.

и близки нам не только по общей морфологии (да простят мне мои читатели этот научный термин – ведь немало лет провел я в университетских аудиториях, получая знания, чтобы стать практикующим врачом), но и в сущностных проявлениях.

Мои наблюдения за жизнью веселого дома не замедлили дать о себе знать естественным для такой ситуации образом. Впрочем, они лишь ускорили то, что зрело уже несколько недель и так или иначе готово было заявить о себе со всей неотложной силой.

Вот уже который день, засыпая под своим тоненьким одеялом, видел я мой уютный дом в Ноттингемпшире, мою милую жену, ее хорошенькие губки, полненькие грудки, которые она даже во время наших любовных утех стыдливо пыталась прятать от меня. Мне снилось, как я ласкаю ее, ищу рукой ее трепетные интимные места, так часто увлажнявшие мои пальцы обилием желания. И каждый раз, как только я доходил до дела, обнаруживалось, что это только сон, и я просыпался, не солоно хлебавши, а моя плоть грозила прорвать тоненькое лоскутное лилипутское одеяло. По утрам я говорил себе, что если не найду способа удовле-

творить свое естество, то это может обернуться для меня самыми серьезными осложнениями (как врач я знал, какими неприятными последствиями грозит столь длительное воздержание здоровому организму).

Наконец я, кажется, нащупал решение. Это случилось ночью после очередного моего экзальтированного пробуждения, когда то, что я пытался схватить рукой, в очередной раз оказалось фикцией моего расстроенного воображения.

На следующий день я едва дождался прихода Тоссека – моего наставника и проводника по лилипутским премудростям жизни. Моих знаний лилипутского языка уже вполне хватало, чтобы объяснить ему суть моих желаний. Впрочем, слова я подкреплял жестами, не оставлявшими сомнений в моих потребностях. А чтобы уж окончательно расставить точки над «i», я поднес моего друга к подозрительной трубе, направленной на одно из окон веселого дома. Сначала он пришел в ужас, увидав прямо перед собой то, что, по его понятиям, находилось чуть не на другом краю света, но когда я рассказал ему о назначении и свойствах сего полезного предмета, он успокоился. Но поняв, чего я добиваюсь от него, он выразил свое недоумение. Я бы тоже недоумевал на его месте – я ведь и сам еще не знал, как утолить переполнявшие меня желания, просто был уверен, что жизнь и немалый опыт подскажут правильное решение. Впрочем, я поспешил заверить моего друга, что в мои намерения не входит причинение кому-либо вреда, и гостя, которая окажет мне честь, уйдет от меня в добром здравии и на своих ногах. Он покачал головой, но все же сказал, что вечером с заходом солнца доставит мне одну из красоток, обитающих в двухэтажном домике. Таксу он назвать поостерегся, потому что затруднялся сказать, сколько могут попросить за столь диспропорциональные услуги. Впрочем, лилипутские деньги у меня были в достатке. Император в счет изъятых у меня нескольких золотых гиней одарил вашего покорного слугу кошельком, в котором было без счета тоненьких, чуть не прозрачных золотых монеток, ходивших в Лилипутии.

Я с нетерпением ждал вечера, и никакие уроки в тот день не шли мне в голову, хотя я и выучил с десяток-другой слов, которые, по моим представлениям, должны были мне понадобиться в тот вечер; среди них такие, как тнюк, клинис, петор, морзаг, кюф и некоторые другие, перевод которых я намерен предоставить читателю в задуманном мною лилипутско-английском словаре. А среди выражений, которыми я обогатил свой лилипутский лексикон в тот день, были, например, такие: «Сгораю от желания», «Облегчите мое бедственное положение», «Спасите несчастного путешественника». Мой наставник был как всегда благорасположен ко мне и пылал желанием по мере своих возможностей помочь в осуществлении затеянного мною предприятия. Должен сообщить любезному моему читателю, что я с молодых ногтей отличался женолюбием, сильнее которого во мне была лишь тяга к странствиям. Два этих противоречащих друг другу желания непонятным образом уживались во мне, доставляя нередко не только счастливые, но и мучительные минуты: длительные морские переходы приносили мне в отсутствие женского общества немалые страдания, а женское общество на берегу скоро приедалось, потому что душа моя начинала рваться в морские просторы.

Наконец наступил долгожданный вечер, и я, нетерпеливо прикинувшись к окошку моего обиталища, увидел, как по улочке в мою сторону направляются мой наставник и закутанная в плащ особа (о том, что это была именно особа, я, невзирая на ее малые размеры, безошибочно догадался по походке: лилипутские женщины, как и наши, ходят, чуть покачивая бедрами). Пара вошла в гостеприимно распахнутую мною дверь, но мой друг, отвесив поклон, тут же куда-то исчез, оставив меня наедине с той, которую я так трепетно ждал.

Я протянул вперед ладонь, положив ее тыльной стороной на пол, приглашая тем самым даму ступить на нее. Видимо, она была наслышана о моем добром нраве, потому что без всякой опаски запрыгнула мне на ладонь, одновременно скидывая с себя плащ. Я поднес

ее поближе к своему лицу. Она оказалась прехорошенькой блондинкой (впрочем, все лилипутки казались мне прехорошенькими, как впоследствии и бробдингнежки. Не могу объяснить это одним своим женолюбием – и те, и другие и в самом деле были очаровательны...). На ней было платье с глубоким вырезом, туго стянутое в талии и заканчивавшееся чуть ниже колен (в моем отечестве это сочли бы недопустимой вольностью); оно подчеркивало великолепные пропорции моей гостьи, ее пышный (конечно, только по лилипутским представлениям) бюст, который, казалось, готов был вырваться наружу, что он и сделал в скором времени к моему удовольствию.

Я представился, сказал, что для меня большая честь принимать столь прекрасную молодую особу. Незнакомка в ответ соблазнительно улыбнулась. Мои комплименты были ей явно по душе.

Потом я, как умел, объяснил ей, что хотя я и кажусь им, лилипутам, человеком-горой, но гору эту одолевают те же желания, что и всех людей. А поскольку я вот уже второй месяц (которому предшествовало трехнедельное плавание) пребываю в чужой стране и до сего дня не имел возможности удовлетворить свои желания, то состояние мое в данный момент близко к отчаянию. Конечно, объясняя все это моей гостье, я не был так красноречив, как теперь, рассказывая о тех событиях моему любезному и заинтересованному читателю. Оно и понятно – мой лилипутский был далек от совершенства. Однако гостья моя оказалась девицей сообразительной. Она сказала, что счастлива была бы помочь мне, да вот только ввиду наших диспропорций не представляет себе, как бы это могло быть возможно. Вот если бы я был таким маленьким, как она, а она – такой большой, как я, то худо-бедно из этого и могло бы что-то получиться. (Ах, моя умненькая маленькая подружка! Она словно в воду смотрела – прошло не так уж много времени, как именно в такой ситуации я и оказался. Однако не могу сказать, что, будь у меня возможность выбора, я бы выбрал ту – вторую. У обеих есть свои плюсы и, к глубочайшему моему сожалению, минусы.) Я поспешил заверить ее, что существуют и другие – отнюдь не членовредительские – способы удовлетворить мои желания, и ежели она не против, то мы могли бы их опробовать ко взаимному удовольствию. Она выразила свое согласие, и мы без лишних слов приступили к делу.

Я поставил свою маленькую подружку на подобие табурета, приготовленное мной некоторое время назад для путешествий по городу (становясь на это приспособление, я, как знает читатель, без труда преодолевал дворцовые и прочие городские стены), и в доказательство насущности моих желаний выпростал из штанов то мое орудие, что вот уже несколько дней не давало мне покоя.

Тут произошло неожиданное. Моя гостья побледнела, зашаталась и лишилась чувств. Я едва успел подхватить ее, потому что она чуть было не упала с табурета вниз.

Я подул на ее лицо, побрызгал холодной водой из стоявшего в углу лилипутского бочонка.

Краска стала понемногу возвращаться на ее щеки. Через минуту она смогла сесть, а еще через минуту уже уверенно держалась на ногах. Это был обычный обморок. Надо полагать, увиденное произвело на нее столь сильное и ошеломляющее впечатление, что кровь отхлынула от головы и произошла естественная в таких случаях временная потеря сознания.

Однако моя гостья быстро приходила в себя, косясь глазом на мой инструмент, продолжавший оставаться поблизости – на том же табурете, перед которым мне пришлось встать на колени.

Когда, наконец, на ее губах заиграла обычная для нее любезно-услужливая улыбка, свидетельствующая о том, что сознание вернулось к ней в полной мере, я предложил ей

разоблачиться, а сам, вооружившись своей подозрительной трубой, принялся изучать особенности ее конституции, и уверяю любезного моего читателя, делал я это отнюдь не как бесстрастный исследователь, врач и анатом, каковым имею честь быть. Сквозь стекло все в моей гостье приобретало привычные нам, людям моего роста, пропорции, все – вплоть до самых интимных ее мест, вызывавших жгучее мое любопытство.

Моя гостья охотно демонстрировала мне свои прелести, а сама продолжала коситься на мой инструмент, расположившийся в соблазнительной близости от нее и изнемогавший от желания, которое становилось тем сильнее, чем дольше я вглядывался в эти бесконечно знакомые мне формы, столь зовущие и томительные.

Как человеку, немало повидавшему в этой жизни, мне не стыдно признаться, что зрелище сие, которое было мне отнюдь не в новинку, произвело на меня впечатление неизгладимое.

Ах, как хотелось мне хоть на несколько мгновений стать таким же маленьким, чтобы эти грудки и прочие сладости были доступны мне в полной мере. Я прекрасно отдавал себе отчет в том, что мое обладание ими, какие бы формы оно не приняло, будет довольно условным и относительным. И в самом деле – проникнуть в это зовущее лоно, столь похожее на лоно моей любезной женушки, было для меня так же невозможно, как пройти верблюду через игольное ухо.

Однако испуг моей гостьи давно прошел, и ей, кажется, напротив, даже не приходила в голову мысль стать такой же большой, как я, чтобы тоже получить все, что было в моих возможностях дать ей. Отнюдь. Ее даже, по всей вероятности, устраивало такое положение дел, потому что она все с большим и большим одобрением и интересом поглядывала на то, что расположилось с нею по соседству.

Я на секунду закрыл глаза, и вдруг ощутил прикосновение крохотных пальчиков. Неопишное блаженство! Будто какая-то райская птичка пощекотала меня своим клювиком. После столь долгого воздержания я наконец-то был близок к тому, чтобы отдать дань сладострастию.

Я открыл глаза. Теперь уже в роли исследуемого был я, а моя гостья выступала любознательным и заинтересованным естествоиспытателем. Она пробовала меня на ощупь, обходила со всех сторон, заглядывала в отверстие, засовывала туда свой малюсенький пальчик. Надо сказать, что размерами она уступала предмету ее исследований, превосходившему ее раза в полтора в длину и во столько же – в ширину. Однако это уже не пугало ее. Напротив – привлекало, и вскоре она оседлала его, как наездник жеребца. Такого восторга я еще не испытывал ни с одной из многочисленных соотечественниц, с которыми сводила меня бродяжническая судьба. Нынешнее чувство было сильнее потому, видимо, что вызывалось ощущениями гораздо более тонкими, заставлявшими всего меня трепетать от сладострастия. Впрочем, делать мне это приходилось с осторожностью, чтобы в порыве страсти не стряхнуть с себя мою гостью, которая старалась вовсю. Она даже спрыгнула на табурет и занялась моим препуциумом (тем что обычно называют крайней плотью), по мере своих слабых сил то натягивая его до упора, то ослабляя натяжение. Конечно, это требовало от нее немалого напряжения, и мне приходилось слегка помогать ей в этом занятии. Потом она снова оседлала меня и принялась ерзать и прижиматься к моему естеству, как если бы что-то мешало ей между ног, от чего она жаждала освободиться. Ее движения становились все более порывистыми и судорожными, глазки закатились, губки приоткрылись, шепча что-то неразборчивое, она тоненько постанывала, а потом ее стали бить конвульсии, которые передавались и мне, и я тоже почувствовал, как на меня накатывает неодолимая волна всего того, что накопилось во мне за прошедшие недели – оно готово было вот-вот прорваться наружу. Я едва успел приподнять мою крохотную подружку, иначе ее просто смыло бы мощным потоком, хлынувшим на табурет. Через несколько мгновений, когда дрожь в моих членах прошла, я

поднес мою новую подружку к губам и как мог поцеловал ее. Не знаю, что почувствовала при этом она, но мое наслаждение было полным. Затем я погрузил ее в бочонок с водой, уже второй раз за этот вечер пригождавшийся мне, – она вся блестела от пота.

Выкупавшись, она быстро оделась, а я, тоже приведя себя в порядок, достал из кошелька несколько лилипутских монет и протянул ей. Но она категорически отказалась их принять, и насколько я понял из ее слов, готова даже была приплатить мне, что было совсем уж невыносимо. Я подумал, что найду какой-нибудь другой способ выразить ей свою благодарность (и со временем такая возможность мне представилась, о чем я еще буду иметь удовольствие сообщить любезному моему читателю). Мы простились, договорившись встретиться на следующий день в то же время и, естественно, в том же месте.

Тут появился мой наставник, который, вероятно, прятался где-то поблизости и наблюдал за нами. Поначалу я хотел было рассердиться, но потом решил – Бог с ним. Его услуги мне еще понадобятся, к тому же он вовсе неплохой парень. Правда, следующие его слова чуть было не посеяли розни между нами, но я опять сдержался, а он, поняв, что в своей готовности услужить мне зашел слишком далеко, тут же стушевался и больше никогда не выступал с подобными предложениями. А предложил он вот что: ввиду того, сказал он, что упражнения сии (невольным якобы свидетелем коих он оказался) требуют от исполнителя больших физических усилий, он готов в следующий раз привести лилипута мужского пола, который будет рад такой возможности, потому что среди лилипутов есть такие, что любой женщине предпочтут мужчину. (По прошествии времени я выяснил, что имел он в виду не кого иного, как себя самого. Общие знакомые потом говорили мне, что замечали странности в его поведении и давно уже подозревали в нем тайного старадипа – так на лилипутском языке называют сторонников однополрой мужской любви.) Но тут я сказал свое категорическое «нет», поскольку всегда считал сие противным божеским установлениям и самой природе человеческой, и моей природе в особенности, хотя и был далек от того, чтобы осуждать за это других. На этом разговор наш закончился.

Мне еще предстояло узнать, что нравы в Лилипутии довольно свободные, и хотя начальство и пытается насаждать нравственность, как уж там они ее понимают, население да и сами власть имущие таковой не следуют; одобряя мораль только на словах, они в реальной жизни действуют, согласуясь более со своими подспудными и явными желаниями, впрочем, как всем нам это свойственно. Правда, лилипутские традиции и нормы довольно противоречивы, что внимательный читатель уже, конечно, понял.

На следующий день я был нерадивым учеником, потому что мои мысли опять были заняты предстоящими вечерними радостями. Мой друг Тоссек иронически улыбался каждый раз, когда я отвечал невпопад или как-либо иначе демонстрировал свою рассеянность, которая была вполне объяснима – не мог я за один раз вполне утолить переполнявшие меня желания, а потому всем своим существом стремился к предстоящим наслаждениям. Тем более что изобретательное воображение подсказывало мне все новые и новые возможности, которые я был исполнен намерений воплотить в жизнь.

Поскольку в услугах моего наставника этим вечером я не нуждался, то поспешил его выпроводить как можно раньше. Оставшись в одиночестве и желая как-то занять время в отсутствие других полезных дел, я направил свою трубу на окна веселого дома.

Жизнь там как всегда бурлила. Гости, несмотря на ранний час, приходили и уходили. Обитательницы, казалось, ничуть не тяготились своими обязанностями, а даже получали от них удовольствие. Об этом свидетельствовало поведение тех из них, кто не был занят в данную минуту. В ожидании посетителя они выходили на парадное крылечко, прихорашивались, крутились перед зеркалами, то есть проявляли все признаки того доброго рвения, какового подчас не хватает нашим соотечественницам, которым я бы пожелал вкладывать в свой труд не меньше души, чем это делают их сестры в далекой Лилипутии.

Как врачу мне было небезынтересно узнать, что, хотя мы и превосходим лилипутов в размерах, но по длительности совокуплений они не уступают нам, ничуть не напоминая в этом смысле кроличью породу, спаривание которой скоротечно, как отрыжка, да простит мне читатель сие сравнение.

Я в нетерпении наводил трубу на дорожку, ведущую к моему обиталищу, но тщетно – моей вчерашней гостьи все не было. Тогда я устремлял окуляр на двери веселого дома, но из них выходили лишь лилипуты мужского пола, по вальяжным походкам которых можно было заключить об их благодушном настроении. Наконец дверь распахнулась в очередной раз, и из нее выпорхнула фигурка, торопливые движения которой отличали ее от других. Я тут же признал в ней мою вчерашнюю гостью, которая немедля направилась в сторону моего жилища, на ходу застегивая на себе плащ. Судя по всему, ее тоже снедало желание, хотя она и спешила ко мне, по-видимому, побывав перед этим в страстных объятиях одного из клиентов.

Я с трудом дождался ее и, когда она появилась, едва сдержался, чтобы тоже не заключить ее в страстные объятия, но вовремя остановился, представив себе, чем могут быть чреватые такие бурные проявления чувств с моей стороны для столь хрупкого создания.

Наша вторая встреча с девицей из веселого дома, с одной стороны, в немалой мере походила на предыдущую, а с другой, была в некотором роде путешествием в неизведанное, опробованием новых методов и подходов, которыми мы, ко взаимному удовольствию, могли бы пользоваться в том, что лишь на первый и поверхностный взгляд казалось мезальянсом, а на деле было гармоничнейшими из отношений, когда-либо возникавшими между представителями разных полов.

Моя подружка (пора, кстати, представить ее читателю: Кульбюль, что по-лилипутски значит «мягкая, женственная»; Кульбюль своим нравом и достоинствами полностью отвечала этому имени, что и имела возможность продемонстрировать мне неоднократно) подтвердила, что ждала нашей встречи с таким же нетерпением, как и я, хотя, в отличие от меня в последнее время, вовсе не вела монашеский образ жизни. Не хочу относить ее нетерпение целиком на счет моих мужских достоинств, но судя по всему и они сыграли некоторую роль.

Мы сразу же приступили к делу. Кульбюль расположилась на моей ладони и по моей просьбе снова начала демонстрацию своих прелестей. Когда она садилась, я ощущал прикосновение к моей коже ее теплых ягодиц, по размеру и форме напоминавших две спелые вишенки, а когда она ложилась на живот, то ее крохотные грудки величиной с горошинки прижимались к моей грубой ладони. От этих касаний я распалялся все сильнее и сильнее.

Наконец она попросила и меня предоставить к ее исследованию то, от чего она имела намерение получить удовольствие, и, расположившись на табурете рядом с моим громадным (нет-нет, я ничуть не преувеличиваю своих достоинств; мой детородный орган, свидетельствую об этом как врач, имеет по нашим меркам довольно средние размеры, однако по соседству с ней он действительно казался огромным, как хобот слона рядом с удивленной трясогузкой) естественном, принялась с изумленным выражением на лице внимательно его изучать так, словно видела впервые. Она промерила его пальчиками: ее разведенные большой пальчик и мизинчик двенадцать раз уместились на измеряемом предмете, толщина которого составляла приблизительно одну треть ее высоты. Потом она, как и вчера, запрыгнула на мой детородный орган (ее ноги при этом не доставали до пола, то есть до поверхности табурета), словно лихая, бесстрашная наездница, готовая пуститься вскачь. И скачки начались. Закончились они, как и в прошлый раз, ее тоненькими стенаниями, закатыванием глазок и конвульсиями. Тут же пролился и я – семенная жидкость, невзирая на вчерашнее, скопилась во мне в таком количестве, что, казалось, могла оплодотворить весь прекрасный пол Лилипутии.

Кстати, глядя, как старается моя крошечная Кульбюль, я вспомнил любимого мной Апулея, читанного в студенческие годы на латыни. В великом его творении «Метаморфозы, или Золотой осел» есть сцена совокупления с римской гетерой героя, превратившегося в сие благородное животное. Детородные органы осла, как известно, превосходят все мыслимые и немыслимые размеры, но, имея дело с означенной гетерой, герой чувствовал, что ему чего-то не хватает. Такое же чувство возникло и у меня, когда я, глядя на старания Кульбюль, представлял себе, что мое естество вот-вот исчезнет в крохотном отверстии между ее тоненьких ножек.

Из новинок, которыми мы обогатили наш опыт в тот день, расскажу о том, что моя милая Кульбюль назвала илчак, что в переводе с лилипутского означает «качели». Суть же качелей состояла в следующем: Кульбюль обхватывала руками и ногами мой орган, а я оттягивал его вниз, а потом резко отпускал. Кульбюль, естественно, взмывала вверх вместе с моей упругой плотью, сердце у нее (как она сама потом говорила мне об этом) замирало, а ее серебряный смех разносился под сводами башни.

Однако после того как ручки моей Кульбюль как-то раз соскользнули с моей увлажненной плоти, и она полетела вниз с огромной высоты, мы прекратили эту игру. Слава Богу, я успел подхватить ее, иначе она бы кончила жизнь на каменном полу башни или, что еще хуже, осталась бы до конца дней калекой. (Кстати, замечу: медицина в Лилипутии значительно отстает от нашей; они еще понятия не имеют о пользе кровопускания, а помощь больным ограничивают примочками, которые ставят в изобилии на все места тела и при любых болезнях – ушибах ли, желудочных расстройствах или мигренях. Впрочем, нужно отдать лилипутским врачам должное, кое в чем они все-таки преуспели и даже опережают нас. Я имел возможность убедиться в этом, познакомившись с одним лилипутом, который получил медицинское образование и практиковал в столице, пользуя пациенток из высших лилипутских кругов, даже приближенных к императорскому двору. Сколь глубоки их знания в одной деликатной ветви медицины, которая у нас пребывает в зачаточном состоянии, читатель может судить по фразе, оброненной моим коллегой во время одной нашей специальной беседы. Неглок – так звали этого ученого мужа – в ответ на мое замечание относительно слабой изученности в моем отечестве вопроса женских болезней сказал, что, пользуя своих пациенток, он исходит из следующего правила: все их жалобы на состояние здоровья в течение десяти дней предменструального симптома, десяти дней послеменструального симптома и пяти дней менструации не должно принимать во внимание, так как они суть плоды расстроенного в этот период воображения и не могут быть признаны отвечающими реальному состоянию жалобщицы. Замечу, что несмотря на малые размеры лилипуток, их менструальный цикл ровно такой же, как и у моих соотечественниц.)

Прощаясь, я спросил у Кульбюль, зачем она делала измерения моего детородного органа. На что она ответила: подружки так заинтересовались ее вчерашним рассказом, что попросили ее все выяснить и сообщить в подробностях. И теперь она сможет поведать им, что если у мужчин-лилипутов этот орган достигает длины одного кюмшлота (так называется единица измерения, приблизительно равная расстоянию между кончиками вытянутых большого пальца и мизинца), то у меня этот размер составляет двенадцать кюмшлотов. Скажи ей об этом кто другой, добавила Кульбюль, она бы ни за что не поверила, но она видела все своими глазами и измерила этими вот пальчиками, так что сомнений на сей счет испытывать не может.

– Может быть, твои подружки пожелают лично убедиться, – сказал я, пряча свое естество в штаны. – Я буду рад принять их и представить все доказательства.

По ее надутым губкам я понял, что такая идея отнюдь не вдохновила ее; видимо, она хотела иметь все то, чем владел я, в единоличном своем распоряжении. Однако поразмыслив, она, судя по всему, поняла, что в таком разе будет являть собой некое подобие собаки на

сене, так как ее возможности, как бы ни были велики желания, довольно ограничены самой природой, которая, вероятно, имела свои причины распорядиться нашими размерами так, как она ими распорядилась.

Кульбюль не дала мне ответа сразу же – о ее решении я узнал следующим вечером, на который назначил наше очередное свидание.

Кульбюль оказалась щедрой душой: хотя и скрепя сердце, – о чем она поведала мне потом в минуту откровения, – но она согласилась с моим предложением и на следующий день явилась не одна, а в сопровождении еще пяти таких же хорошеньких лилипуточек – глазки у них горели любопытством, влажные губки были чуть приоткрыты, крохотные ручки не находили себе места.

Возникшую было первоначально неловкость быстро рассеяла Кульбюль, которая, назвав мне имена своих подружек, не стала заводить светских разговоров о погоде, а без обиняков скинула с себя свои одеяния, представ передо мной в лучшем своем виде. Я быстро поднял ее на табурет и устремил вопрошающий взор на остальных девиц.

Они последовали примеру Кульбюль, хотя и несколько тушуясь, что при их профессии показалось мне несколько странным. Я был готов объяснить их такую застенчивость необычностью ситуации и клиентом, который мог представляться им и в самом деле горой (по-лилипутски «флестрин», как, конечно же, помнит мой читатель) отнюдь не в фигуральном смысле.

Наконец все они оказались на табурете перед моим жадным взором. Я осторожно прикасался к ним, ощущая их нежную кожу и выпуклости в соответствующих местах.

Потом настал черед разоблачиться и мне. Мои гости замерли, глядя, как я расстегиваю свои панталоны. Наконец на свет Божий появилось мое напряженное естество... и произвело на них то же действие, что и два дня назад на Кульбюль.

Не успел я выпростать из штанов тот самый предмет, который столь интересовал их и ради которого они заявили ко мне, как все они попадали без чувств. Однако скоро они пришли в себя (холодная вода на лилипуток и на наших соотечественниц действует одинаково) и проявили такую же прыть, как и Кульбюль. Их совместными усилиями дело спорилось, да и сами они внакладе не оставались. Места всем хватало – шесть веселых маленьких наездниц разместились на одном скакуне, который рад был бы вместить еще столько же – их ягодицы-вишенки перекатывались на упругом сиденье, через несколько минут приходившем в состояние, близкое к тому, в котором находился Везувий перед гибелью Помпеи: грозило извержением, хоть и не гибельным, но довольно опасным для наездниц. А потому я с криком: «Берегись!» отгородил моих девушек стеной из двух ладоней от разомкнувшегося в сладострастии отверстия и, содрогнувшись всем телом, пролился на поверхность табурета молочным озерцом, вид которого вызвал приступ восторга у моих гостей. Они сопроводили мое излияние стонами и криками, как раненые амазонки, добивающие поверженного врага.

Через минуту я снял с табурета моих милашек, окунул их по очереди в бочонок с водой, где они весьма ловко омыли свои влажные попки, и простился с ними до следующего вечера, сказав:

– Приводите своих подружек. Места всем хватит.

В моей башне в тот вечер было светло и шумно, а вот на втором этаже веселого дома не светились шесть окон.

Что и говорить, любезный мой читатель, такой поворот событий благоприятно сказался не только на моем здоровье, но и настроении. Теперь по утрам я чувствовал бодрость и прилив сил и был готов заниматься с моим наставником, постигая премудрости лилипутского языка и образа жизни. Я питал к моему учителю самое дружеское расположение и, как выяснилось впоследствии, напрасно, потому что он был приставлен ко мне не только в качестве педагога, но и шпиона. Обо всем, что происходило в моей скромной обители, он докладывал императору, членам госсвета, а в первую очередь моим злейшим врагам – министрам казначейства и тайных дел, которые собирали материал, чтобы выставить меня в крайне неблагоприятном свете перед Его Императорским Величеством (забегая вперед, скажу, что им это удалось). Однако в то время я еще не знал о происках моих врагов, а потому был беспечен и открыт перед моим наставником, без утайки рассказывая ему о том, что происходило в его отсутствие, спрашивая у него совета в делах лилипутских любовных отношений,

дабы не ударить в грязь лицом перед моими уже многочисленными подружками. Впрочем, лилипуты в делах любовных мало чем отличаются от нас, а потому в этом смысле советы моего друга (каковым я считал его тогда) мне мало чем помогли, и я стал больше полагаться на свой человеческий опыт, который меня ни разу не подвел. Говоря «человеческий опыт», я как бы противопоставляю его лилипутскому, что неверно хотя бы и с терминологической точки зрения. Лилипуты, так же как и мы, принадлежат, видимо, к роду человеческому, о чем свидетельствуют и их физическая конституция, и привычки, и общественное устройство. В этом смысле они ближе к нам, чем, скажем, африканские племена пигмеев, которые не только уступают нам в росте, но и пребывают в дикости, ни нам, ни лилипутам давно уже не свойственной. Я старался быть естественным, потакать желаниям моих подружек и не забывать о своих, и такая линия поведения оказалась самой разумной – она позволяла мне завоевывать сердца все новых и новых лилипуток и самому не оставаться равнодушным к их прелестям.

Ах уж эти лилипутские прелести! Я уже не раз имел случай заметить, что лилипуты отличаются от нас только размерами, повторяя в остальном все особенности нашего строения (полагаю, что и внутреннего, хотя на вскрытиях лилипутских покойников не присутствовал; moreover, их медицина пребывает в таком зачаточном состоянии, что и учебных вскрытий в их медицинских школах не проводится). Но если наши малейшие изъяны видны нам невооруженным взглядом, то лилипутские для нашего глаза просто незаметны, а потому все лилипуты казались мне красавцами и красавицами, за исключением тех, что были уродами.

Я рассматривал моих маленьких красоток не только влюбленным взором, но еще и как естествоиспытатель, время от времени прибегая к помощи своей подзорной трубы, дававшей двенадцатикратное увеличение. И если через трубу они вполне могли бы сойти за моих соотечественниц, то невооруженному глазу их лобковые кустики казались нежными перышками крохотной птички, а сосочки – малюсенькими бисеринками.

Бугорок сладострастия мне ни у одной из них разглядеть не удалось, а потому я ласкал его наугад, используя в этих целях стебельки травы, которые припас в достаточном количестве и всегда хранил рядом с наполненным водой бочонком. Эта ласка многих из них приводила просто-таки в исступление. Они были готовы часами сидеть, раскинув в стороны свои крохотные ножки и закатив глазки. При этом они смешно постанывали, как если бы у вас под ухом звонил миниатюрный колокольчик размером с ноготок. «Ай-ай-ай-ай», – раздавалось в моей башне, и сердце мое радовалось, кровь волновалась, естество напрягалось. Счастливые деньки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.